

83.3(2)7

Б48

Нина
Бережкова-
Поротова

**ПО ТРОПАМ
МИНУВШЕГО
ВРЕМЕНИ**

(К 85-летию Георгия Поротова)

Библиотека «Новой книги»
Камчатские биографии

Нина
Бережкова-Поротова

ПО ТРОПАМ
МИНУВШЕГО ВРЕМЕНИ
(К 85-летию Георгия Поротова)

Петропавловск-Камчатский

Холдинговая компания

«Новая книга»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос—рус)6
Б48

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Камчатского края
и холдинговой компании «Новая книга»*

Фотографии В. Т. Кравченко и из личного архива автора.
На титуле фото Н. Левченко

Бережкова-Поротова Н. Г.

Б48 По тропам минувшего времени (К 85-летию Георгия Поротова)
— Петропавловск-Камчатский : Холд. комп. «Новая книга», 2014.
— 112 с. (Библиотека «Новой книги» Камчатские биографии)

ISBN 978-5-87750-271-0

Младшая сестра известного камчатского писателя Георгия Германовича Поротова рассказывает в своей книге не только о брате, но и о всей их семье, о родном селе Мильково, родной Камчатке, судьбе камчадалов...

Вступительная статья написана писателем и культурологом В. Т. Кравченко.

ISBN 978-5-87750-271-0

© Бережкова-Поротова Н. Г., 2014
© Министерство культуры
Камчатского края, 2014
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

Я ВИЖУ ТЕБЯ, УЙКОАЛЬ!

Эпоха Поротова — время трагических потрясений и великих побед. Эпоха Поротова — период несбыточных надежд, скромного достатка и неимоверного энтузиазма людей, верящих в свою силу и крепость человеческого духа.

Выросший в небольшом камчатском селении, которое без преувеличения можно назвать колыбелью Камчатки, он, Георгий Поротов, сумел постичь, впитать в свое сердце мудрость простых, мало образованных людей, сумевших, вопреки накопившимся за века историческим препятствиям, жить в мире, любви и милосердии. Именно здесь, в этой удивительно песенной и плодородной стране Уйкоаль, отделенной от остального мира древними хребтами, питаемой кристально чистой многоводной рекой, потомки русских переселенцев и коренные жители Камчатки создали уникальное сообщество, вызывающее до сих пор повышенный интерес и полемику ученых.

«Я — камчадал закоренелый», — скажет о себе много лет спустя Георгий Поротов. И пояснит непосвященным: «Пусть ительмены считают меня ительменским поэтом, коряки — корякским. Главное счастье в творчестве — быть принятым народом и сердцем служить ему».

Служить сердцем... Это Георгию Поротову удалось сполна. Но я бы осмелился дополнить признание поэта. По большому счету он, Георгий Германович Поротов, — для Камчатки, для мировой культуры — не только коряк и ительмен. Он — и яркий представитель культуры русской, которая, как есенинское слово, мгновенно вызывает трепет и прилив любви к родному отечеству.

В небе дикие лебеди стонут,
Проплывая над старым гнездом.
В буйном зареве крики их тонут,
Гаснет эхо за редким леском.

Мне навеяли лебеди грёзы
Со своих вдохновенных высот...
Черный холмик у желтой березы,
Подними меня снова в полет.

Я покой твой, отец, не нарушу.
Я пришел к тебе нынче седым.
Освежу доброй памятью душу.
Поклонюсь. И уйду молодым!

Рожденный на Камчатке, наделенный талантом все впитывать в свое сердце, Георгий Поротов, по сути, был уникальным самоучкой, ибо трудно поверить, что некая культпросветшкола в Биробиджане, где он учился, смогла за четыре года вырастить в своих классах столь уникального певца-художника. Ничего нам не подскажет и трудовая книжка Георгия Поротова: должности, которые он занимал в учреждениях культуры Мильково, Паланы, Петропавловска, сами по себе весьма прозаичны и совсем не гарантируют творческого взлета человека.

Он взлетал сам. На наших глазах. Он был дружен с оленеводами и молодыми танцорами Александра Гиля, ступившими на путь создания корякского балета. С громоздким магнитофоном он засиживался в задымленных юртах, фиксируя родовые песни коренных жителей Севера и воспринимая незнакомые мелодии как нечто родное, пришедшее к нему из глубины веков.

Он любил людей. Общался легко, непринужденно, искренне. Он был весельчак по натуре. Но от него всегда веяло и особой тайной философского восприятия жизни, которая потом — много позже — проявлялась на страницах его книг.

Поэт, музыкант, писатель, драматург, исследователь-фольклорист, историк и даже яркий сценический актер — все эти непростые, но имеющие много общего профессии развивались в нем одновременно, как, не смолкая, бурлит невидимая и ча-

стично открытая миру жизнь могучего вулкана. Ведь не случайно он как-то сказал: «Я в жерло вулкана перо обмакнул...»

«Уйкоаль» — древнее имя долины реки Камчатки. Но Порохов границы родимой страны раздвинул до наивысших размеров. Сюда, в его «Уйкоаль», вместились чукчи и коряки, ительмены, эвены, алеуты. Сюда вошли люди разных национальностей, обретшие на Камчатке свой дом. И в каждом уголке этого необыкновенного камчатского мира он был и остается своим.

Песни древней страны Уйкоаль
Мне знакомы еще с колыбели
И стоят, как туманная даль,
В изголовье походной постели.
Я под желтой, как бубен, луной
Задремал с костерком на граните.
Гости-песни, побудьте со мной,
Не улетайте! Звените!

Вторая половина XX века вошла в историю Камчатки как истинно культурная революция. Писатели и художники создавали свои творческие союзы, музыканты — свои капеллы, оркестры. Появление на профессиональной сцене — почти одновременно — национальных северных ансамблей, которым было суждено изумить народы разных стран и поднять Камчатку на достойную духовную высоту, до сих пор вызывает восхищение. Мировая цивилизация (не будем бояться громких слов) обогатилась художественными достижениями одного из самых отдаленных уголков России и, тем самым, приблизила к Камчатке весь мир...

Конечно, все создавали люди. Великие энтузиасты, великие мастера, которых мы в то время явно недооценивали. Многие из них уже ушли из жизни. Остались фотографии, редкие кинокадры и наша — не очень крепкая — человеческая память.

Горы,
Камчатские горы,
Вы видели радость,
Вы помните горе.
Свидетели

Концерт у друзей-эвенов, 1971 год. В центре – Г. Поротов

Буйных торжеств и трагедий,
Вы мне, камчадалу,
Достались в наследье.
Горные складки
Родимой Камчатки,
Время само в них застыло!
Далекое пенье...
Всплывает виденьем
Морщинистый лоб
Матери милой.

Поротов слыл непоседой. Он удивительным образом оказывался там, где его присутствие было крайне важным. Теперь,

спустя много лет, ветераны ительменского ансамбля «Эльвель» вспоминают, как в 1972 году к ним, в село Ковран, высадился необыкновенный десант: легенда Камчатки Татьяна Петровна Лукашкина, ее педагог-хореограф из Института народов Севера Татьяна Федоровна Петрова-Бытова и он – неугомонный, все подмечающий Гоша Поротов. Совместно с Татьяной Евструповой Гуторовой они занялись развитием нового хореографического ансамбля, успевшего к тому времени создать первый ительменский балет. И так преуспели в этом деле, что до сих пор единственный в мире ансамбль ительменов «Эльвель» пленяет мир своей чарующей культурой.

А перенесемся немного на юг, в крошечный эвенский Анавгай. Здесь – среди вековых лиственниц и живописных хребтов – вот уже сорок с лишним лет царствует молодежный ансамбль «Нургэнэк». Спросите у артистов: кто основал их коллектив, кто дал ему имя? Ответ не трудно разгадать: он, Георгий Поротов...

Но самое светлое свое имя – «Уйкоаль» – он даровал национальному молодежному ансамблю, который в 1984 году на базе хореографического отделения музыкального училища создавал непревзойденный корякский хореограф Сергей Кевевтегин.

Члены агиткультбригады у эвенских оленеводов, 1971 год

Именно в этом ансамбле Поротов видел свою надежду. Именно в молодых танцорах, которых собирал по всему Северу Кевевтегин, Поротов видел исцеляющий дух творчества, без которого не мыслил будущего своей Камчатки.

Творил Поротов постоянно. Сочинял, пел, играл на домре, скрипке, баяне, радостно общался с бубном, читал, мотался на фестивали и конкурсы, порой спорил, не соглашался — даже с таким своим отменным соратником-другом как именитый корякский поэт Владимир Владимирович Коянто. Поротов не замечал, что создает стихи и песни, которые воспринимаются народом Камчатки как свои собственные, народные. Он написал исторические романы о родной земле, заставляя всех нас вслушиваться в родовые корни и изучать былое.

И он сказал в назидание всем нам, живущим ныне: не расслабляйтесь, творите дальше, я — здесь, «Я вижу тебя, Уйкоаль!»

Реки-нити,
Упавшие в доли,
Бродят горы
По тундре голой.
Опять с поднебесья
Гляжу я на вас,
И кружит над лесом
Летучий баркас.
Я, сказкой влекомый,
Все дальше от дома...
Долину прикрыла
Седая вуаль,
Но вижу,
Я вижу тебя,
Уйкоаль!

Поротов, плененный Камчаткой, Поротов, прикованный к Камчатке навечно, Поротов, который, по словам искусствоведа Елены Глебовой, «сумел создать единое духовное пространство северных народов, которое до сих пор помогает им не оторваться от своих корней», по-прежнему все видит, чувствует, сопереживает. Он никогда бы не простил варварского отношения к природе, он всегда сражался за красоту человеческой

В 1972 году в село Ковран высадился необыкновенный «десант»: легенда Камчатки Татьяна Петровна Лукашкина, ее педагог-хореограф из Института народов Севера Татьяна Федоровна Петрова-Бытова и неугомонный Гоша Поротов

души и безоговорочно принимал все настоящее, искреннее, талантливое.

Исполнителей сказок, стихов, шуточных миниатюр поэта всегда было на Камчатке столь много, что впору устраивать конкурс на лучшее воспроизведение поротовских сочинений. Уникальные мастера «Мэнго» Петр и Даниил Ягановы, Анатолий и Александр Мохнаткины, Иосиф Жуков и Николай Лазарев, философски настроенные солисты ансамбля «Нулгур» Сергей Адуканов, Кирилл Ичанга, трепетные танцоры ансамбля «Эльвель» — все они мастерски «отметились» в искристых и остроумных миниатюрах нашего «Гоши». И даже там, где, как кажется, нет поротовской мелодии, его стихов, но просто царит самозабвенная страсть к серьезному творчеству, любовь к родной земле, — мы слышим, видим широкую, залитую солнцем, настоящую песнь Камчатки, в которой присутствие Поротова невозможно не заметить.

Год спустя после кончины поэта, в мельковской долине, в декабре 1986-го, открылись первые «Поротовские чтения», которые, наряду с уже привычными для Камчатки чтениями, посвященными Степану Крашенинникову и Кецаю Кеккету, возвестили миру о более вдумчивом отношении земляков к выдающимся личностям своей истории. Но эти намерения, несмотря на усилия многих энтузиастов, носят все же недостаточный для столь крупной личности масштаб. Да, мы не забываем юбилейные даты Георгия, возносим его имя на фестивалях «Золотые родники», нарекли улицы Коврана, Мильково, Паланы, Елизово и Петропавловска его именем, учредили Поротовскую литературную премию.

И все же я скажу так: наилучшее почитание Поротова — не только и не столько в этом. Глубинное и полноценное исследование всего наследия великого камчатского Мастера еще не наступило. Пришла пора многим творческим коллективам отказаться от чрезмерного повторения пройденного. Пришла пора создавать новые и новые спектакли, хореографические постановки, вокальные циклы, поэтические композиции, основанные на еще неиспользованных материалах Поротова.

Ковран, 1972 год

Участники Первых Поротовских литературных чтений: Наталья Селиванова, Владимир Овчинников, Николай Санеев, Любовь Поротова, Юрий Манухин, Евгений Сигарёв, Мильково, 05.12.1986 года

Всем нам важно осознать: источник вдохновения по имени Поротов способен обогащать нашу жизнь, учит по-поротовски смело, самоотверженно, подвижнически продвигаться вперед, сберегая и развивая многоликое наследие камчатской культуры.

Духовный мир Камчатки зависим от каждого из нас.

Вот — самый важный урок, который даровал всем нам своей жизнью Георгий Германович Поротов...

* * *

В год 85-летия со дня рождения Георгия Поротова в свет выходит новая книга сестры поэта — Нины Германовны Бережковой-Поротовой — «По тропам минувшего времени». Книга искренняя, добросердечная, я бы даже сказал: ДОВЕРЧИВАЯ. Она не похожа на привычные нам с детства книги из серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей»), ибо автор не ставит задачу изложить и проанализировать жизненный и твор-

ческий путь своего знаменитого старшего брата. «Тропы минувшего времени» ведут автора в тот, постоянно удаляющийся мир, воскресить и понять который возможно лишь при наличии крепкой памяти, трепетного сердца и глубокой благодарности людям, сотворившим родимый дом.

Он, этот дом, — у каждого разный. И редко соотносится с числом жилых квадратных метров. В своих автобиографических записках Нина Германовна как-то признавалась: «Мне посчастливилось родиться в небольшом, но очень красивом, окруженном горами, камчатском селе с ласковым названием — Мильково». И далее — о том, что запомнилось: «...околосельская певучая и щедрая рощица, неоглядное поле, усыпанное огнепышущими саранками, переливчатые песни жаворонков и сверкающий мириадами радужных звезд ровновесенный наст. Сохранились в памяти и детские девчоночьи игры на завалинке родимого дома, колхозное стадо коров, возвращающихся с

выпаса. Нерастраченные сбережения памяти – образы родителей: всегда поющей, уравновешенной, хлопотливой мамы Надежды Андреевны и очень подвижного, улыбающегося папы Германа Васильевича¹».

Детские воспоминания, изложенные даже поэтичной душой, носят, несомненно, личностный характер. Но они имеют свойство превращаться в нечто большее, когда речь идет о фигурах, уже почти не принадлежащих семейному кругу. Могучий талант Георгия Поротова, покоривший – на века – все уголки необозримой Камчатки, проникший в сердца тысяч и тысяч людей, вызывает понятный интерес к деталям его жизни, к тем нравственным и духовным устоям, которые формировали его личность. И в этом плане книга Нины Бережковой-Поротовой бесценна. Важна она и для земляков – жителей древней земли Уйкоаль, как когда-то именовалась долина реки Камчатки. Многие найдут в воспоминаниях автора своих близких, друзей, удивятся общепринятым правилам, соблюдением нравственных норм, которые высоко ценились в таких небольших селах, как Мильково.

О Поротове (как, впрочем, и о других поэтах, писателях Камчатки) написано до обидного мало. В еще большей степени досадно, что в современном мире явно угасла тяга к литературе. Иначе и не объяснишь тот факт, что уникальный двухтомник сочинений Георгия Поротова, изданный более десяти лет назад холдинговой компанией «Новая книга» тиражом 2 тысячи экземпляров, все еще встречается в книжных магазинах...

В заключение – несколько слов об авторе. Нина Германовна Бережкова-Поротова – не просто верная сестра поэта и уроженка славного Мильково. Она – известный на полуострове автор поэтических сборников, член Союза писателей России, человек высокой эрудиции и настоящих просветительских качеств. Ее первая прозаическая книга, которую мы сегодня держим в руках, в чем-то напоминает ныне подзабытое на-

¹ Е. В. Гропянов. Писатели Камчатки. Холдинговая компания «Новая книга», 2005. Стр. 50.

правление русской литературы, именуемое «деревенской прозой». Его зарождение и расцвет случились в 1950–1980-е годы и – стараниями таких выдающихся писателей, как Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, – обращали нас, читателей, к понимаю традиционных ценностей и особой философии деревенской жизни. Увы, не каждому дано разгадать и принять сердцем особое обаяние неспешного сельского быта, вкусить чувство неповторимого единения, когда жители села ощущают себя одной большой семьей. «Нет, не на пустом месте возникло вдруг желание писать, – признавалась Бережкова-Поротова в своей давней автобиографии. – Теплые воспоминания согревают и сохраняют душу в обушевавшемся и осуетившемся мире, в котором неуютно психике, потерявшей природные корни. О прошлом писалось легко и свободно, светло и тепло. Да и как же иначе – обжитой уголок от огромного мира, в нем все соотнесено с целесообразностью окружа-

ющей природы. Глядя на строгие молчаливые горы, чувствуешь вечность и ощущаешь свою малость в ней, слушая щебетание птиц, наполняешься радостью жизни, вглядываясь в очертания подвижных облаков, учишься воспринимать переменчивость любых образований. Таким образом постигаешь философию мироздания».

Своей новой книгой Нина Германовна, вновь и вновь пробираясь своим сердцем тропинку в далекий родимый дом, дает нам возможность прикоснуться к философскому настрою ее души, отведать, ощутить тот мир, в котором взрастали таланты династии Поротовых. И уж в который раз согласиться со светлым воспевателем России Сережей Есениным: «Но ничего в прошедшем мне не жаль».

Валерий Кравченко

*Тропы прошлого всегда ведут в настоящее.
Тори упорно – выведут в будущее.*

Автор

ЗАДУМКА

Возможно, взялась за непосильную ношу, но если она есть и кому-то нужна, ее следует нести. К тому же в народе говорят: своя, она не тянет.

Георгий Поротов – родное имя. Подписывала этой фамилией школьные тетрадки, экзаменационные работы, сочинения по литературе. Но все же в родственных чувствах всегда присутствовало ощущение почтительной отчужденности, так далеко шагнул за порог родительского дома этот человек.

И не простит история Камчатки нам, жившим рядом с ним, забвения, пусть даже тех крох, обрывков, что еще сохранила память.

Вот почему не могу обойти молчанием его имя, не вспомнить родителей, не коснуться в повествовании братьев, сестер, друзей, среди которых он рос и воспитывался. Хотя само слово «воспитание» было чуждо деревенскому лексикону. Просто, как могли, учили детей жить. Жить наперекор суровому климату, но в ладу с окружением, на доверии и привязанности к кормилице-природе, в уважении к порядку, установленному взрослыми. Разумеется, все это смогу изложить только через призму своего восприятия – детского, зрелого, настоящего. И да поможет мое страстное желание и долготерпение родных –

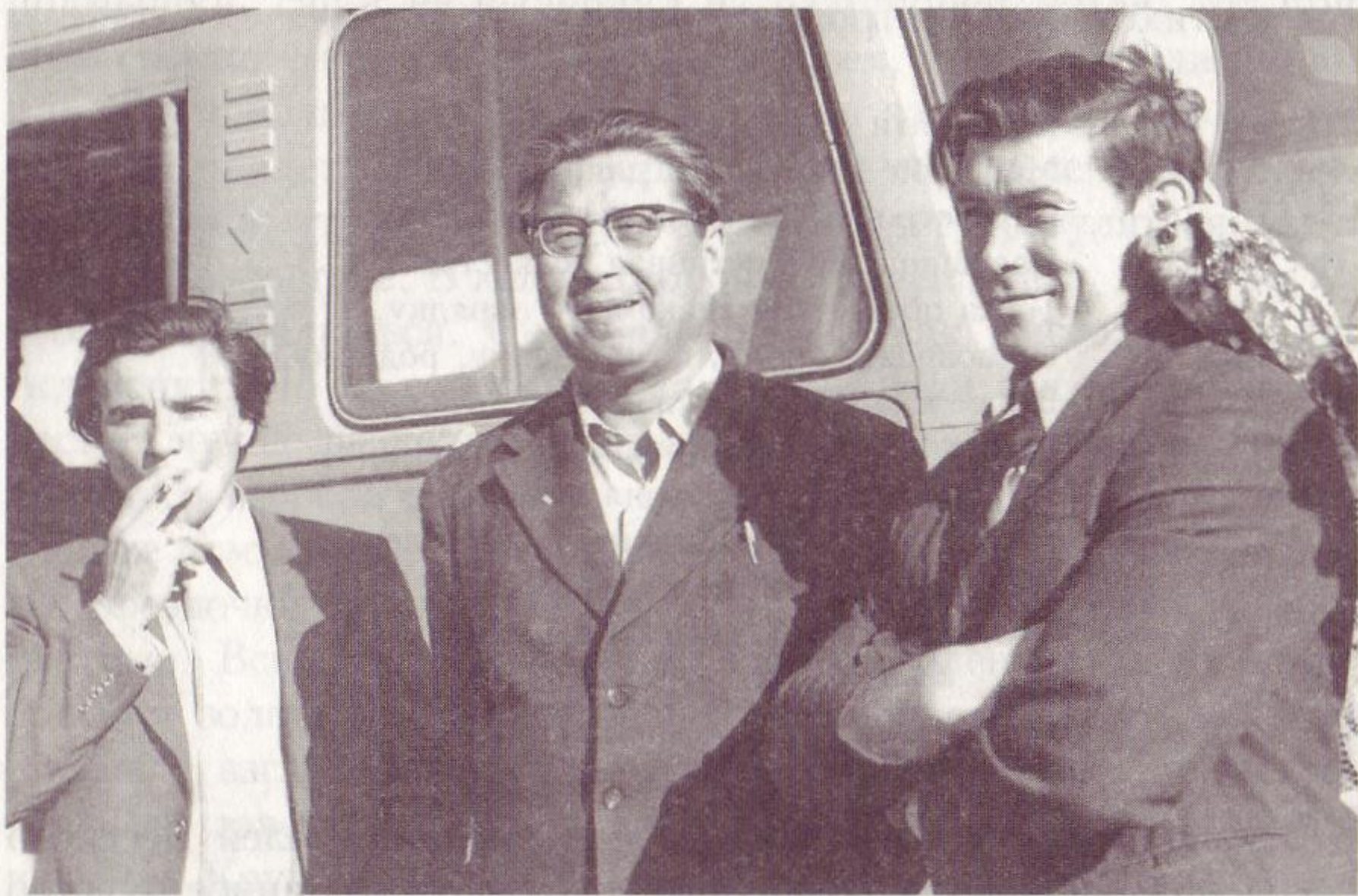
к ним вынуждена буду обращаться с некоторыми вопросами.

Хочется начать с истоков. Но где они? В каком затерялись времени? Где тот единственно верный путь, ведущий к исполнению задумки и к прошлой действительности, которая не обидела бы никого — ни живых, ни мертвых.

Камчатцам Поротова представлять не надо — это первенец возрождения их культуры. Оттого и любимый. Потому и нареченный «закоренелым камчадалом»

ЖОРКА – ГОША – ГЕОРГИЙ

Интерес к народнопоэтическим выдумкам у Гоши от бабушки. Анна Яковлевна Бобрякова, по воспоминаниям своих старших внуков, была превосходной чтицей. Знала множество сказок. Дети дочерей Веры и Надежды любили бывать у бабушки.

Евгений Егоров, Георгий Поротов, Евгений Лонгинов, 1970 год, агитбригада «Город – селу»

1959 г.

Чигейтынун.

Сам теперь не знаю егейу,
 Сколько ездил на охойу,
 Сколько раз не соединять
 Приходилось объезжать:
 Чигейтынун, чигейтынун...

Нам, на сонке есть бараны,
 Но подьем крутой пееганый.
 Будешь снизу любоваться,
 Да баранов не добрайсья —
 Чигейтынун, чигейтынун...

Много мира, много моря
 На вершине в шуграк паящей.
 У меня и здесь достаток —
 Быю на пундре куропаток...
 Чигейтынун, чигейтынун

Чигейтынун — (проза) пеегафая сонка

Рукопись Георгия Поротова, песня «Чигейтынун», 1959 год

первым толчком к пробуждению поэтического дарования Георгия Поротова, его страсти к познанию народного творчества. Все это выльется впоследствии в талант личности. Став взрослым, он исколесит, облетит Камчатку вдоль и поперек, побывает в десятках сел и табунов. Сделает сотни рукописных и музыкальных записей, творчески переработает их и донесет до читателя песнями, стихами, поэмами, прозой и пьесами.

Хорошо помню тот вечер, когда он пришел домой на улице

Доватора, возбужденный, — у меня создалось впечатление — наполненный до краев замыслами, еще смутными и неопределенными. Скорее всего, вернулся с очередного заседания литобъединения, а может быть, с областного семинара культработников или с зажигательной творческой встречи с друзьями. Какое-то время, отмеряя шагами, бродил по комнатам, а потом, не выдержав, поверил мне свои мысли: «Ты знаешь, нужно поднимать культуру Камчатки. Национальные танцы, драматургию, поэзию, музыкальное творчество. Какое богатство талантов — поездил, посмотрел. Ты бы видела — пластика движений, имитация, прирожденное сценическое мастерство», — говорил горячо, убежденно. И тут же: «Нужны пьесы на местном материале... Можно написать музыкальную сказку!» Чув-

Бубен и мандалина, Алексей Лахтой и Георгий Поротов

ствовалось, что его мозг уже в работе над задуманным. Еще неосознанно, весь углубленный в себя, машинально взял балайку в руки. Начал наигрывать, беззвучно шевелить губами, притопывать носком правой ноги. Голова слегка запрокинута

назад. Взгляд рассеянный, поверх всего земного. Я видела брата таким много-много раз. По долголетнему опыту общения с ним знала: нужно сидеть тихо, терпеливо ждать, когда он выйдет из своего внутреннего мира фантазий и образов и снова заговорит, как бы очнувшись от чьего-то магического воздействия.

Сейчас осознаю, что именно в то время, близкое к описанному здесь, он вместе с друзьями и подвижниками – Владимиром Коянто, Евгением Егоровым, Александром Гилем, Анатолием Винокуровым, Сергеем Кевевтегиным – стоял у истоков возрождения культуры коренных народов камчатского полуострова. Звучит шаблонно и невыразительно. Но нужно знать то время и этих людей, чтобы увидеть за избитой фразой всю пылкость увлеченной творчеством молодежи, поставившей перед собой цель – поднять национальное искусство, связать его с жизнью Севера, чтобы оно стало понятным и родным малочисленным народам Камчатки.

Вскоре после этого появились пьесы «Кутха и мыши», «Корел». Георгий не только писал тексты в стихах, но и сам расписывал ноты для песен и танцев, схематично изображая маленькими человеческими фигурками хореографические рисунки.

Работал брат вдохновенно, путая день с ночью, забывая о пище. В такие дни он жил по другим, не связанным с действительностью порядкам, обитал в ином измерении.

Любопытно было наблюдать за ним. Помню случай – занимаясь циклом «Ое», он как-то пошел в туалет... с балалайкой. Это было уже на улице Войцешека. Мы с мужем отчаянно зажимали себе рты (молодые были), глуша неудержимый смех. А из комнаты, предназначенной для интимного уединения, раздавались бряцающие аккорды и ритмичное бормотание: «А утки хама-хама, ик-ик...» Творческая мысль могла достать его в самых неожиданных местах. Увидев плавающую на поверхности воды травинку в ванне во время купания, он перевел это бытовое явление на выразительный певучий язык поэзии: «Травинки трепет в моей крови, в гранитные храмы мой путь бесконечный, горные цепи, цепи мои, прикован я вами к Камчатке навечно». Образная мысль была в состоянии наскочить на него, например, и по дороге к заданной цели. В такие минуты он

мог, забыв про предусмотренный маршрут, неожиданно круто развернуться и поспешить назад с настоятельной потребностью записать. Даже походка менялась на глазах у озадаченного этим очевидца отмеченного перевоплощения. Из степенной поступи она превращалась в семенящий шаг человека, разом вспомнившего что-то очень значительное и не терпящее отлагательств.

Зато каким бурным был возврат брата в реальный мир. Он с любопытством слушал обо всем, что происходило во время его внутреннего отсутствия. После одного такого Гошиного возвращения в явь действительности я стала пересказывать ему наиболее интересные телепередачи, пропущенные им за время его неприсутствия. Как-то воспроизвела для него только что услышанную мной монологическую речь Ираклия Андроникова «Впервые на эстраде». Георгий сидел на диване, поджав под себя ноги крест-накрест. Смеялся негромко, но так вольно и заразительно. При этом то откидывался назад, то, наоборот, весь сжимался от приступов безудержного веселья, реагируя всхлипами смеха на каждую реплику. Из сузившихся до щелочек глаз, как из брызгалки, струились мелкие слезы. То и дело он смахивал их тыльной стороной ладоней. Вся его громоздкая фигура (он сидел в майке и семейных трусах) лучилась свободно льющейся радостью.

Надо отметить – Георгий был чрезвычайно отзывчив на смех. Нечасто мне встречалось такое качество натуры в других. Его жизнелюбивая природа сказалась и в творчестве. Он, как о нем говорили, «плеснул веселою строкой» со страниц своих поэтических сборников и одарил доброй улыбкой «за веселой кружкой чая» всех, кто познакомился с незатейливым бытом и без особого замысла юмором его «камчадалов».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Кравченко. Я вижу тебя, Уйкоаль!</i>	5
Задумка.....	18
Стало быть, начинать надо с Мильково.....	19
Переплетение судеб.....	22
Просто это – жизнь.....	25
Целительница Мария.....	27
Наставники.....	29
Традиционные занятия женщин.....	31
Пурга.....	32
Отступление.....	35
Детская история.....	36
Первая учительница.....	37
Мама.....	38
Папа.....	42
Лес-спаситель.....	49
Детство.....	50
Брат Владик.....	52
Материнская песня.....	54
Семейные увлечения.....	54
Любимое занятие.....	59
Скрипка.....	61
Весна.....	65
Чего они хотят?.....	67
Жорка – Гоша – Георгий.....	68
Камчадалы.....	73
Ребячьи забавы.....	75
Суровые моменты.....	75

Родные образы исчезнувшего детства.....	80
Непритязательная будничность.....	82
Писцит — не писцит.....	85
Курьёзы.....	86
Зигзаги жизни.....	86
В единой гармонии.....	87
Истина посередине.....	91
«Поротова на закуску».....	92
Первые пробы.....	95
Дань памяти.....	97
Без нас.....	98